

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Ю.К. Князев

РИСКИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ШАНСЫ РОССИИ НА УПРЕЖДАЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ

Князев Юрий Константинович – доктор экономических наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Объективный процесс глобализации и его негативные последствия

Широко применяемый сегодня термин «экономическая глобализация» означает новую, современную стадию интернационализации мирохозяйственных связей. Эта стадия есть продолжение процесса межгосударственного сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе, и ее специфика состоит в том, что теперь интернационализация стала охватывать всю территорию земного шара. Глобализация – это неизбежный этап развития рыночных отношений, которым стало тесно в рамках отдельных стран, межсоседских двусторонних и региональных торгово-экономических связей.

Выход на широкую всемирную арену, предпринимавшийся некогда лишь отдельными наиболее авантюрными купцами и промышленниками, принял постепенно массовый характер и привел во второй половине XX в. к возникновению транснациональных корпораций (ТНК), сложившихся вокруг наиболее сильных национальных компаний, которым под международным брендом легче было проникать в пространство других стран. В интересах ТНК и поддерживавших их государств были сформулированы и реализованы современные принципы свободы торговли, открытости национальных экономик, либерализации трансграничного передвижения товаров, капитала и рабочей силы. Воплощением и защитой этих принципов стали созданные по инициативе наиболее развитых стран Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Всемирная торговая организация (ВТО) и ряд других международных институций. Хотя такая глобализация сегодня выгодна преимущественно крупным и мощным страновым и транснациональным игрокам, доминирующим на мировой арене, она была объективно

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

обусловлена самой эволюцией рыночного хозяйства в его капиталистической ипостаси.

Интернациональная часть мировой экономики включает:

- 1) внестрановые сегменты внешних секторов национальных экономик;
- 2) внутространовые сегменты внешних секторов национальных экономик;
- 3) межстрановой (транснациональный) сектор мировой экономики.

Национальные экономики разными путями все больше втягиваются в формирующуюся глобальную экономику. Внешнеторговая деятельность длительное время осуществлялась под строгим контролем государства, которое с помощью таможенных пошлин и иных средств защищало отечественное производство, а также оказывало протекцию национальным фирмам за границей. Постепенно крупные игроки на мировых рынках осознали, что государственные защитные меры препятствуют их внешней экспансии и начали лоббировать смягчение, а затем и снятие протекционистских механизмов.

Понимание в развитых странах выгоды и неизбежности выхода отечественного бизнеса на международную арену заставило перестроить внутреннюю хозяйственную среду, приспособив ее к начавшейся внешней экспансии. Именно эту цель преследовала идеология неолiberaлизма, победившая в США под названием «рейганомика», в Великобритании, получившая имя «этчеризм». Провозглашенная в 80-е годы прошлого века глобализация как раз и состояла в освобождении отечественных компаний от чрезмерной внутренней регламентации и переориентации их на проникновение в другие государства, которые в свою очередь вынуждены были открыть свои границы не только для зарубежных товаров, но и для иностранных инвестиций и бизнеса. Это дало возможность транснациональным корпорациям открывать свои филиалы сразу во многих странах, в результате чего они превратились в гигантские и вездесущие сетевые системы.

Теоретическое обоснование объективной необходимости и всеобщей выгоды разделения труда по общемировым, а не национально-государственным критериям вполне корректно, если не принимать во внимание разный уровень экономической развитости стран, из-за которого общие стандарты оборачиваются для них далеко не одинаковыми последствиями. Очевидно, что менее развитые страны и их отечественные производители не могут выдерживать открытой конкуренции со стороны более сильных контрагентов и потому обречены не только на постоянное отставание, но и на деградацию и исчезновение в качестве самостоятельных хозяйственных единиц. Равноправное соревнование с целью выявления более эффективных участников и с возможностью подтягивания отстающих до уровня передовых возможно только в идеальной конкурентной среде с примерно равными по силе партнерами. Нынешняя же международная среда не является таковой,

и поэтому вырвавшиеся вперед игроки не позволят отставшим догнать себя и сделают все, чтобы уничтожить более слабых конкурентов. Единственный способ выжить в таких условиях – не соглашаться с нынешними правилами глобализации и защищать свои национальные интересы, укрепляя страновую экономику и участвуя в региональных интеграционных объединениях, устанавливающих более щадящий режим сотрудничества для своих членов.

Сознавая это, серьезные аналитики подвергают критике сложившиеся в мировой экономике порядки и пытаются внести ясность в понимание сути происходящих процессов, традиционно характеризующихся как «экономическая глобализация». Помимо уточнения самого этого термина многие авторы предлагают новые понятия, призванные разграничить разные стороны и этапы общего движения всемирного хозяйства в направлении усиления интернационализации. Заметна тенденция считать мировой экономикой совокупность, сумму всех видов хозяйств на земном шаре, куда включаются страновые экономики, а также межстрановые и внестрановые хозяйственные образования (международные экономические и финансовые организации, самостоятельные финансовые центры, биржи, страховые и рейтинговые агентства, двусторонние и многосторонние межгосударственные объединения).

В отличие от мировой экономики в вышеуказанном понимании предлагается понятие «геоэкономика», обозначающее будущее полностью интегрированное мировое хозяйство, а также часть современной всемирной экономики, уже находящейся за пределами чисто страновых народнохозяйственных комплексов. Такой позиции придерживается, в частности, белорусский экономист И. Новикова: «Глобализация экономики – это процесс, в конце концов ведущий к геоэкономике, иными словами, к созданию экономики, способной работать как единый организм в рамках всего земного шара. Соответственно, ее компонентами будут не национальные государства, не совокупность национальных экономик, а “внешние части национальных экономик”». По сути, они функционируют (или правильнее сказать, должны функционировать) по законам рынка и конкуренции в геоэкономике¹. Автор уточняет, что «геоэкономика – это карта без границ, без государств», а внешние части национальных экономик – это те ее сегменты, которые трансформировались во внешние экономики посредством ТНК, региональных группировок, особых экономических и приграничных зон, двусторонних соглашений о свободной торговле, кластерно-сетевой регионализации².

1. Новикова И. Модернизация национальных экономик и кластерно-сетевая регионализация как императивы вхождения в геоэкономику // *Мир перемен.* – 2013. – № 3. – С. 79–80.

2. Там же. – С. 80.

Трудно сказать, какой термин окончательно приживется, но интегрированную в планетарном масштабе экономику можно по аналогии с процессом глобализации продолжать называть глобальной в отличие от мировой экономики, представляющей собой нынешнее международное, мультистрановое образование. Думается также, что создание глобальной экономики нельзя себе представлять только как расширение «внешних частей национальных экономик» и их слияние в единое интегрированное мировое хозяйство. Процесс глобализации втягивает не только внешние сектора, но и оказывает сильное влияние на страновые экономики в целом, которые сами по себе меняются, приспосабливаясь к мировым интеграционным процессам. Иначе говоря, глобальная экономика складывается постепенно и разными путями, которые все ведут к реализации единой объективно обусловленной цели – интеграции экономики во всемирном масштабе.

Некоторые актуальные проблемы, возникающие в процессе глобализации

Зарождение и утверждение в ходе глобализации разных форм и секторов межгосударственного и внегосударственного сотрудничества поднимает ряд вопросов, так или иначе решаемых практически, но не нашедших еще своего теоретического объяснения.

Самая очевидная проблема заложена в статистическом отображении масштабов интернационального сектора в страновой экономике, который включается в общестрановые показатели, хотя он одновременно является внешней частью экономики другого государства. Поскольку рост такого сектора служит одним из критериев уровня интернационализации мирового хозяйства, его выделение в статистических сведениях крайне необходимо. Кроме того, безоговорочное включение его в страновую экономику оказывает плохую услугу последней, представляя ее более значимой, чем она того заслуживает. И дело не только в том, что реальные плоды, полученные в этом секторе, забирают иностранные субъекты хозяйствования (речь идет прежде всего о прибыли, репатрируемой в материнские центры).

Главное состоит в том, что иностранные филиалы не чувствуют себя прочно интегрированными в местную хозяйственную ткань и могут беспрепятственно покинуть страну пребывания, перебравшись туда, где сложатся более благоприятные условия для ведения бизнеса. Конечно, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и созданные иностранцами производства приносят пользу принимающей стороне (открываются новые рабочие места, уплачиваются налоги в местные бюджеты, пополняется внутренний рынок нужными товарами и услугами, внедряются современные технологии). Но в то же время они составляют серьезную конкуренцию отечественному

бизнесу и часто препятствуют его развитию. Создается своеобразный дуализм в экономике страны, где сосуществуют два разновеликих сектора, мало между собой связанные и относящиеся друг к другу с плохо скрываемым подозрением.

Включение добавленной стоимости, произведенной в интернациональном секторе, в общий ВВП страны, а его экспортируемой продукции – в ее совокупный экспорт искажают эти показатели и создают неверную картину жизнеспособности страновой экономики. Особенно это касается тех государств, где, как, например, в Венгрии, значительная часть промышленности и почти вся банковская и страховая сфера принадлежат иностранцам. В годы последнего мирового кризиса наблюдался резкий отток иностранного капитала из стран Центрально-Южной Европы и снижение кредитной активности работающих там банков. Применяемый в статистике территориальный (пострановой) принцип презентации экономических сведений должен быть дополнен данными, относящимися только к интернациональному сектору, на величину которого следует корректировать (уменьшать) страновые показатели.

Особенно необходимо это делать при подсчете прямых иностранных инвестиций и иных финансовых поступлений из офшорных юрисдикций. Неправомерно, к примеру, относить исключительно к кипрским финансовым активам ПИИ и кредиты, поступающие с Кипра в Россию. Хотя международной статистикой эти средства фиксируются как кипрские, фактически они вкладываются не Кипром, а зарегистрированными там филиалами иностранных корпораций и банков, в том числе и российских. Получается, что «убежавший» из России капитал частично возвращается обратно, лишь формально дважды пересекая кипрские границы, а фактически имеет место банальный уход от российских налогов в ходе превращения полученных в России прибылей в якобы иностранные кредиты. Статистические данные о размерах поступивших в Россию ПИИ и кредитов с Кипра, Виргинских островов, из Нидерландов и других офшорных территорий вуалируют тот факт, что эти средства принадлежат не им, а совсем другим вкладчикам и кредиторам, которые там формально зарегистрированы и получают посреднические услуги, но делают бизнес в другом месте. Несмотря на фиксируемый статистикой большой приток ПИИ из офшоров, в странах-реципиентах реальные инвестиционные проекты осуществляются не киприотами или голландцами, а головными фирмами, расположенными в других странах, не считающихся настоящими инвесторами.

Некоторые застарелые проблемы, на которые продолжают указывать отдельные эксперты, фактически перестали быть таковыми в условиях высокой степени открытости национальных экономик. Серьезным недостатком внешней торговли многих стран по старинке считается ее дефицитность. На самом же деле внешнеторговый дефицит сегодня уже не является признаком слабости

отраслевой структуры экономики, если обеспечивается общее позитивное сальдо текущего платежного баланса страны. Да и в двусторонних отношениях между странами торговый дефицит одной из них, как правило, не служит препятствием для развития экономических связей, так как взаимные платежи осуществляются регулярно за счет валюты, получаемой от экспорта в другие страны.

Наличие внешнеторговых дефицитов в условиях конвертируемости валют и отказа от клиринговых схем расчетов не свидетельствует о росте глобальных финансовых и материальных дисбалансов, если только покрытие дефицитов не осуществляется за счет сомнительных международных кредитов, постоянно увеличивающих внешнюю задолженность соответствующих стран. Тот факт, что США стали импортировать из Китая ширпотреб, производство которого было сознательно перемещено в страну с дешевой рабочей силой, не создает дисбаланса платежных средств. Американским потребителям все равно, кому платить за покупаемые товары – своим или иностранным производителям. Главное, чтобы сохранялся их платежеспособный спрос. А он действительно сохраняется, так как китайские товары раскупаются в тех же объемах, что и в случае их производства американскими предприятиями. Проблема не в том, что товары производятся за границей, а в том, чтобы спрос на них формировался за счет внутренних источников, а не иностранных заимствований. И если американские власти заговорили о необходимости возвращения части производства из Китая, то делают это они ради снижения безработицы, а не в целях экономии платежных средств, которые лишь увеличатся из-за более высоких издержек.

Хотя все большее место в транснациональных операциях занимают сделки в виртуальном пространстве (на электронных биржах, в Интернете), тем не менее реальный бизнес осуществляется на территориях конкретных стран. Эта территориальная привязка бизнеса будет сохраняться и в дальнейшем, что делает преждевременными попытки списать со счетов страновые экономики, провозглашая ареной хозяйствования якобы нераздельное мировое пространство. Более того, опыт переживаемого мирового кризиса, уязвимость национальных экономик перед лицом неурядиц, привносимых из-за границы, заставляет пересматривать прежние представления о безусловной полезности глобализации и всемирной интеграции.

С возникновением региональных кластеров и всемирных сетей некоторые авторы поспешили заявить о начавшемся в мире переходе от жесткой вертикально-иерархической к более гибкой кластерно-сетевой организации производства, исследований и управления. На самом же деле прежние модели ведения бизнеса не исчезли, а лишь дополнились новыми формами, адекватными эпохе глобализации. Специализированные региональные кластеры не смогли разрушить многоотраслевые территориально-производственные

комплексы, которые модернизировали свои структуры в соответствии с новыми веяниями. Точно так же производственные и торговые сети не отменили централизованное управление, которое просто стало более мягким с учетом большей самостоятельности территориально удаленных от центра филиалов. Единоначалие и жесткое внутрифирменное планирование остаются, и их не в силах отменить межстрановая либерализация эпохи глобализма. Более того, кластерно-сетевая система не мешает продолжающейся централизации капитала. Проведенные в Цюрихском университете исследования на основе листинга 37 млн компаний и инвесторов по всему миру показали, что среди 43 063 ТНК выделяются 1318 корпораций, обладающих огромным влиянием на мировую экономику. Каждая из них акционерно связана как минимум с двумя, а в среднем с 20 другими компаниями, что позволяет им вместе концентрировать 60% всех мировых доходов через их доли в капиталах этих компаний, хотя на них самих приходится только 20% глобального объема оперативной прибыли³.

Процесс глобализации идет при весьма разном уровне экономического развития стран мира. Сравнительно небольшая группа государств, входящих в ОЭСР, имеет подавляющие конкурентные преимущества перед остальными странами, у которых практически нет шансов уменьшить свое отставание в условиях действующих на мировых рынках всеобщих правил торговли и ведения бизнеса. «...Страны, по каким-либо причинам не вписывающиеся в параметры, задаваемые глобализацией, вынуждены оставаться на обочине мирового развития, лишаясь доступа ко многим ее благам», – справедливо считает А. Эльянов⁴. Следует, однако, отметить, что хотя и медленно, но развивающиеся страны в целом увеличили свою долю в мировой обрабатывающей промышленности с 13,4% в 1970 г. до 25,8% в 2000 г., т.е. почти вдвое. Из-за неблагоприятных последствий глобального кризиса для развитых стран доля развивающихся государств к 2010 г. выросла до 41,2%. Этого нельзя сказать о странах с переходной экономикой, удельный вес которых в указанных отраслях все время уменьшался (с 18,8% в 1970 г. до 3% в 2010 г.). Но и развивающиеся государства усилили свое отставание от развитых по доле высокотехнологичной промышленной продукции в общем производстве: если в 1995 г. разрыв составлял 10,8 процентного пункта, то в 2009 г. он уже составил 20,6 процентного пункта (43,0% против 63,6%)⁵.

3. Glattfelder G.B. *Ownership Networks and Corporate Control. Mapping Economic Power in a Globalized World.* – Zurich. 2010. – P. 258.

4. Эльянов А. Экономическая дифференциация мира // *Общество и экономика.* – 2013. – № 6. – С. 32.

5. Там же. – С. 33–34.

Практика вхождения в рынок постсоциалистических стран убедительно показала, что подавляющее большинство отраслей промышленности обречено на исчезновение или деградацию перед лицом более сильных иностранных конкурентов. Даже вошедшие в ЕС государства вынуждены довольствоваться развитием туризма, сферы обслуживания и транспортной инфраструктуры, не помышляя о промышленном и инновационном возрождении. Те же, кто не желает смириться с уготованной им судьбой, могут уповать лишь на якобы живительное воздействие свободного рынка, который на самом деле не позволяет переломить неблагоприятную инерцию и найти способы ускорения экономического роста. Большинство отставших стран не в состоянии совершить резкий поворот в своей судьбе в силу отсутствия нужных природных ресурсов и научно-технических возможностей.

Одним из эффективных путей сохранения занимаемых позиций для отстающих в развитии стран служит их участие в разных интеграционных объединениях на региональной основе. Таких региональных объединений по всему миру насчитывается около трех десятков. Типы их различны и они отражают разные ступени процесса интеграции, на которых находятся соответствующие группы стран. В мире в настоящее время действуют 12 зон свободной торговли, шесть таможенных союзов, четыре общих рынка и пять экономических и валютных союзов⁶.

Наряду со строго региональными образованиями появляются и более широкие по охвату стран объединения, решающие задачи разнообразного плана, а не только налаживания тесного интеграционного сотрудничества. К таковым можно отнести группировки G 8 и G 20, в которых координируются действия входящих в них стран по вопросам общемирового значения, а также ОЭСР, объединяющая наиболее развитые страны мира с целью содействия их экономическому развитию и взаимному сотрудничеству.

Не по региональному принципу создана группировка пяти наиболее крупных развивающихся государств под названием БРИКС, куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика. Помимо политических мотивов их объединения, преследующего цель усиления их влияния в мире, эти страны на своих саммитах принимают решения об углублении их внешнеэкономических связей (о расширении взаимной торговли, использовании национальных валют в расчетах, предоставлении друг другу кредитов, формировании общего валютного фонда содействия экономическому развитию). Предпринимаемые реальные шаги по интенсификации многостороннего экономического сотрудничества позволяют рассматривать

6. Мансуров Т.А. Методологические и институциональные основы экономической интеграции стран ЕвразЭС. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2012. – С. 24–25.

БРИКС как интеграционное объединение, строящееся не по привычному региональному принципу, а по образцу сетевых компаний. Это не региональная, а сетевая интеграция стран, расположенных в разных частях света (в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке).

Недостаточная эффективность управления глобальной экономикой

Важнейшей проблемой современной глобальной экономики является ее управляемость. Если прежние самостоятельные государства довольствовались своими внутренними управленческими системами и не сильно зависели от внешних условий товарообмена, то по мере глобализации необходимость в общеприемлемом международном регулировании становится все очевиднее. Глобальные кризисы еще больше актуализируют эту проблему. Неслучайно, что сегодня эти вопросы все больше привлекают внимание разных аналитиков.

До сих пор решающую роль в выработке и применении общемировых правил хозяйствования играли наиболее мощные государства, диктовавшие свою волю другим странам. В настоящее время «законодателями мод» выступают США, сменившие в этом качестве «владычицу морей» Британскую империю. Некоторые авторы задаются сегодня вопросом, куда может переместиться нынешний мировой экономический центр и каковы будут последствия такого перемещения. Так, Дж. Арриги проделал любопытный экскурс в историю ради уяснения причин смены одних мировых центров другими⁷. Отталкиваясь от этого анализа, Е. Балацкий попытался сформулировать некоторые закономерности этого процесса и взвесить шансы возможных претендентов на место будущего руководящего центра. При этом к сожалению, был применен чисто механистический подход, предполагающий учет исключительно формальных признаков при игнорировании существенных характеристик, позволяющих странам занимать те или иные позиции в мировой таблице о рангах.

Главными критериями, согласно которым страна может претендовать на роль мирового центра, Е. Балацкий считает размер территории, численность населения и объем ВВП, которые обязательно должны превышать показатели предыдущего носителя этого титула. При этом не принимаются во внимание ни пригодность наличных земель к использованию и их богатство природными ресурсами, ни трудовые и креативные способности населения. Получается, что Китай и Россию нельзя рассматривать в качестве конкурентов

7. Арриги Дж. Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. – 2009. – № 1.

США, так как первая не обладает достаточной территорией с фертильной почвой, а вторая – превосходящей численностью населения. И если, например, России все-таки удастся нарастить свое население и стать мировым центром, то она, по логике автора, останется таковым навсегда, так как на земном шаре не существует более обширной страны.

Несмотря на очевидные успехи Китая в экономическом развитии и его превосходство над США в размерах территории и численности населения, автор почему-то отказывает ему в лидерских перспективах: Китай «способен дать мировому капиталу территориальный прирост по сравнению с США лишь на 2% на фоне демографического выигрыша на 320%. Такая диспозиция двух факторов глобализации является нетипичной, а имеющиеся диспропорции следует признать чрезмерными. Можно сказать, что КНР опередила естественный ход истории, нарастив человеческую биомассу страны еще до того, как начала притягивать мировой капитал. Эти факты говорят о том, что Китай, строго говоря, плохо подходит на роль нового МЭЦ. По крайней мере, в мировой истории подобные прецеденты пока не имели места»⁸. Напрашивается простенький комментарий к процитированным словам: если новые факты не вписываются в предложенную схему, то, прежде чем их отвергать, следует задуматься, насколько правильна сама эта схема.

Гораздо большую практическую ценность имеют реальные механизмы, использующиеся в настоящее время для управления и саморегулирования мировых экономических процессов. Л. Григорьев и А. Курдин перечисляют следующие типы регулирования, применяющиеся для решения международных проблем⁹:

1. Международное управление через организации с самостоятельным менеджментом, но под эгидой великих держав (к их числу относятся МВФ, Всемирный банк, ЕБРР и другие банки развития, ВТО).
2. Международное регулирование через организации, выполняющие рекомендательно-консультативные и арбитражные функции (МЭА, ИКАО, МОТ, ЮНКТАД, Безельский комитет по банковскому надзору).
3. Международные двусторонние и многосторонние соглашения со встроенными механизмами их реализации (межправительственные соглашения, международные отраслевые организации, стандартизирующие деятельность экономических агентов, соглашения по экологии и биоразнообразию).

8. Балацкий Е. О возможной смене глобального лидера мировой экономики // *Общество и экономика*. – 2014. – № 1. – С. 13–14.

9. Григорьев Л., Курдин А. Механизмы глобального регулирования: Экономический анализ // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 7. – С. 11–13.

4. Международные рамочные соглашения, конвенции, декларации, относящиеся к решению конкретных всемирно важных проблем (например, UNFCCC – Комиссия ООН по климату).

5. Негосударственные сетевые организации глобального гражданского общества (Greenpeace, WWF и другие подобные неправительственные организации).

6. Постоянные или временные организации групп стран, так или иначе воздействующие на глобальную экономическую деятельность (ЕС, АТЭС, АСЕАН, другие региональные интеграционные объединения, зоны свободной торговли, ОПЕК, БРИКС, прочие целенаправленные союзы, картели и клубы стран).

7. Самостоятельная деятельность экономических агентов на саморегулируемых мировых площадках (на организованных рынках товаров и услуг, фондовых и валютных биржах).

Необходимость в регулировании процессов глобализации намного возрастает в условиях затянувшегося мирового кризиса, возникшей потребности преодоления его последствий и предотвращения новых кризисных ситуаций. Кризис обострил прежние общемировые проблемы (растущую пропасть между богатыми и бедными странами и слоями населения, ухудшение экологии окружающей среды, исчерпание природных ресурсов, расширение нелегальной миграции и криминального бизнеса) и обнаружил новые, связанные с функционированием мировой финансовой системы (рост фиктивного капитала на кредитных, валютных, фондовых и сырьевых рынках, чрезмерное увеличение долговой задолженности государств, корпораций и частных лиц, хроническая дефицитность государственных бюджетов, внешнеторговых и платежных балансов многих стран).

Вызвавшие кризис проблемы были обозначены в ходе заседаний саммитов 20 крупнейших государств (G 20), на которых сформулированы меры по оздоровлению мировой финансово-экономической архитектуры, включающие «прежде всего усиление регулирования капитала и уровня ликвидности банков, разработку регулятивных норм для крупных финансовых институтов, формирование единых глобальных стандартов бухгалтерской отчетности, развитие макропруденциального регулирования в финансовом секторе, упорядочивание рынков деривативов, перестройку деятельности рейтинговых агентств, пересмотр практики вознаграждения в финансовых учреждениях»¹⁰. Практическая реализация этих мер частично уже началась по линии ряда международных финансовых организаций и правительств крупнейших госу-

10. Кондратов Д. Глобальные дисбалансы в мировой экономике // Общество и экономика. – 2014. – № 1. – С. 36.

дарств, однако противоречивость их интересов сдерживает завершение этой полезной работы.

Можно указать на множество других реальных проблем, порождаемых экономической глобализацией, и на растущие риски для менее развитых стран и неблагополучных слоев населения. Изучение возможных перспектив развития этого процесса также не внушает большого оптимизма¹¹. С учетом этого важное значение приобретает анализ шансов России на благоприятное развитие в условиях глобализирующегося мира.

Возможности России противостоять негативным эффектам глобализации

После распада Советского Союза и проведения рыночных реформ Россия к настоящему времени оказалась в положении государства так называемого третьего мира, т.е. пополнила многочисленное семейство отстающих в развитии стран, которые хоть и называются развивающимися, но прогрессируют весьма медленно за исключением узкого круга государств (членов группировки БРИКС, например), которые действительно догнали в последние годы ушедший далеко вперед авангард. Догоняющее развитие осуществлялось в основном за счет мобилизации собственных ресурсов (природных богатств или дешевой рабочей силы), обеспечивавших конкурентные преимущества перед технологически более развитыми странами. Однако эти преимущества временны, так как невозобновляемые сырьевые и энергетические источники быстро исчерпываются, а рабочая сила дорожает. Дальнейший экономический рост возможен лишь при условии встраивания отстающих стран в мировую инновационную систему, что для большинства из них является непосильной задачей. Только целенаправленное стремление любой ценой вырваться из технологической отсталости может помочь некоторым странам достичь передового уровня экономической развитости.

Постановка такой сверхзадачи, несомненно, по плечу современной России несмотря на пережитую недавно разруху и потерю двух десятков лет не просто топтания на месте, а всеобщей деградации в эпоху, когда передовые страны совершали технологический рывок, равный по времени по меньшей мере столетию. Но даже такое гигантское отставание не означает, что мы «отстали навсегда». Во-первых, никто не отменял закона неравномерного мирового развития, предполагающего замедление хода одних и внезапное ускорение движения других стран, выбивающихся в лидеры. А во-вторых, Россия еще не утратила своих естественных и исторических преимуществ,

11. См.: Мартынов А. Будущая глобализация мировой экономики // Общество и экономика. – 2013. – № 5.

к которым можно отнести ее уникальную географическую протяженность, разнообразное богатство природных ресурсов, образованный и креативный народ, накопленный опыт решения самых амбициозных задач, готовность жертвовать сиюминутными удобствами ради достижения лучшего будущего. Очевидно, что для рутинной и замедленной эволюции эти преимущества могут не понадобиться. Но они обязательно будут востребованы для совершения быстрого рывка, который только и может вывести страну на орбиту современного прогресса.

Нельзя при этом поддаваться на антипротекционистские призывы развитых государств, которые видят в сохранении открытости страновых экономик непереносимое условие выхода из нынешнего кризиса. Понятно, что максимальная открытость полезна прежде всего этим государствам, которые используют ее для своей экономической экспансии по всему миру. Но даже они не могут обойтись без собственных протекционистских мер. «Уже в первый год острой фазы глобального кризиса (с ноября 2008 г.) правительства разных стран, по оценке Центра по исследованию экономической политики (CEPR), ввели около 280 протекционистских мер. Почти половина – 121 мера приходится на страны G 20, которые особенно активно выступают за экономику без барьеров»¹². Тем более не следует чрезмерно открываться агрессивному миру стране, которая ставит перед собой задачу экономической модернизации вопреки неблагоприятным внешним обстоятельствам.

Когда речь идет об отсталых странах, чаще всего говорится о стратегии догоняющего развития. Привычка равняться на передовых заставляет думать о неизбежном повторении пройденного ими пути, который позволил вырваться вперед. Да и условий, чтобы пойти собственной дорогой, у большинства стран просто нет за неимением накопленного опыта и необходимых ресурсов. Вместе с тем более дальновидные и амбициозные люди не исключают некоторых шансов на так называемое опережающее развитие. В свое время в ГДР был провозглашен лозунг «Перегнать, не догоняя». Имелось в виду не повторять все этапы проделанного ФРГ пути, а перескочить некоторые из них и оказаться сразу в выигрышном положении благодаря внедрению никому еще не известных передовых достижений. Можно также привести пример Монголии, которая пыталась перейти от феодализма к социализму, минуя капитализм. Несмотря на отсутствие удачных попыток обгоняющего развития, эта идея продолжает будоражить умы и в наше время. Она нашла отражение, в частности, в Итоговом документе состоявшегося в 2013 г. первого Московского экономического форума, в котором предлагается Стратегия опережающего развития, отличающаяся, по словам авторов, от других

¹² Либман А., Хейфец Б. Зона свободных инвестиций // *Общество и экономика*. – 2013. – № 10. – С. 61.

модернизационных проектов выдвижением принципиально отличных от большинства стран целей развития и переходом к соревнованию с ними по иным критериям прогресса¹³.

Предлагаемый по сути особый путь развития России не лишен словесной привлекательности, но вызывает сомнения в его реалистичности. На наш взгляд, более реально не опережающее, а *упреждающее развитие*, которое строится на научном предвидении возможных вариантов общественного и технологического прогресса и выборе из них наиболее приемлемых и эффективных с учетом прежнего опыта как собственной страны, так и передовых государств. Идущие вслед за авангардом страны имеют возможность корректировать уже состоявшиеся образцы продвижения вперед, извлекать для себя уроки и избегать ошибок других. Они также могут вносить собственный вклад в поиск более совершенного и одновременно реалистичного направления общечеловеческого развития.

Некоторые авторы не исключают и появления коллективного проекта выживания в глобальном мире. Его, в частности, могут разработать для себя страны БРИКС. Такой суверенный проект, в противоположность идее структурного приспособления мировой периферии к порядкам, установленным МВФ, Всемирным банком, ЕС и США, должен стремиться к тому, чтобы приспособить эти порядки к нуждам развития отстающих стран¹⁴. Правда, не очень понятно, каким путем этого можно добиться в современных весьма жестких условиях всемирной конкуренции, когда решения о правилах игры принимают высокоразвитые и влиятельные страны вместе с контролируемыми ими же международными организациями. Поэтому наиболее реальным может быть вариант преодоления отсталости собственными средствами с опорой на дополнительные возможности соответствующего регионального интеграционного объединения.

Что касается России, то в практическом плане ее путь самостоятельного развития, предусматривающий решение собственными силами актуальных задач своего возрождения, видится во всемерном восстановлении разрушенного реального сектора экономики, в подъеме промышленности и сельского хозяйства, строительства, в создании передовой транспортной инфраструктуры, во внедрении инноваций на основе собственных научных исследований с использованием зарубежных технических достижений. Настоятельно необходимо изменить нынешний сырьевой вектор экономического развития, настроиться на создание инновационной экономики, которая предполагает

13. «Экономика для человека» – социально ориентированное развитие на основе реального сектора // *Мир перемен*. – 2013. – № 3. – С. 9.

14. См: Амин С. Новая империя? В поисках альтернатив гегемонии глобального капитала // *Мир перемен*. – 2013. – № 4. – С. 8–12.

постоянное обновление выпускаемой продукции. Очевидно, что для этого необходима современная технико-технологическая база, каковой сегодня Россия не располагает. Выход состоит в новой индустриализации страны, в возрождении машиностроения и приборостроения и их сердцевины – станкостроения, способного оживить автомобилестроение, авиационную промышленность, сельскохозяйственное машиностроение, судостроение и другие отрасли промышленности, включая легкую и пищевую.

Потребность в развитии российского народнохозяйственного комплекса становится особенно актуальной в условиях, когда США и Евросоюз в ответ на события в Украине применили к России санкции, направленные фактически на удушение ведущих отраслей национальной экономики и ограничение получения иностранных передовых технических достижений.

Необходимость в этом очевидна, только не очень понятно, как это можно сделать в наших рыночных условиях. Сегодня государство пытается регулировать сложившуюся ситуацию с помощью привычных средств универсального характера, обеспечивающих в основном текущие потребности нормального функционирования экономики и социальной сферы. *Для изменения же содержательной направленности экономического развития необходимо совершить крутой народнохозяйственный маневр.*

Чтобы обеспечить переход от сырьевой экономики к индустриально развитой, надо прежде всего понизить уровень рентабельности добывающих отраслей и увеличить за счет этого приток капиталовложений в обрабатывающую промышленность. Для этого необходимо повысить налогообложение сырьевого сектора и снизить налоги со станкостроительных и перерабатывающих сырье отраслей. Восстановление машиностроения и обрабатывающих производств потребует изменения кредитной политики банков, которая должна быть ориентирована на финансирование реального сектора экономики.

Изменения в отношении к добывающим и обрабатывающим секторам экономики недостаточны для переориентации на индустриально-инновационный тип развития. *Важно создать условия для возрождения собственной инструментально-станкостроительной промышленности и перспективных отраслей машиностроения.* Это можно сделать с помощью целевого снижения налоговых ставок, освобождения от налогообложения инвестиций на цели развития, льготного кредитования, поощрения инноваций и экспорта наукоемкой продукции.

Нехватки в конкретных и подробных разработках на эту тему не наблюдается. Недостаток многочисленных предложений подобного рода состоит в том, что они ограничиваются чисто количественными, преимущественно техническими параметрами. В них обходятся важные вопросы, касающиеся источников финансирования проектов, способов привлечения частных предприятий к выполнению конкретных заданий, условий реализации новой

продукции на рынке. Решение подобных частных, но исключительно важных вопросов потребует создания целостной концепции новой индустриализации и программы ее претворения в жизнь с определением места и роли каждой производственной отрасли в народнохозяйственном комплексе и их взаимодействия в сложных рыночных условиях с доминированием частной собственности. Для этого потребуются создать специальный правительственный орган, который будет на постоянной основе заниматься долгосрочным прогнозированием и стратегическим планированием экономического развития страны.

Конечно, выполнение народнохозяйственных планов в современных российских условиях должно осуществляться не командно-административными, а рыночными методами, причем государственные органы обязаны нести материальную ответственность за возможные просчеты. Решение конкретных задач должно предусматривать внятный алгоритм последовательных действий с использованием разных форм государственно-частного партнерства (совместного финансирования, госзаказов на разработку и производство новой продукции, контрактов на ее поставку потребителям и др.).

Поскольку даже самый совершенный рынок в условиях глобализации не позволяет отстающим странам вырваться вперед, государство обязано реализовать модернизационный проект даже вопреки сложившимся рыночным трендам, преодолевая засилье мощных корпораций из развитых стран и их высокотехнологичной продукции. Чтобы в условиях жесткой конкуренции отечественные производители смогли подняться, необходимы крупные индустриальные проекты, инициированные государством. В их реализации должны участвовать наши партнеры по интеграции и другие страны российского пояса соседства. В этом объективно заинтересованы не только участники Таможенного союза, но и страны СНГ и даже молодые члены Евросоюза.

Еще одним доводом в пользу разработки и осуществления политики новой индустриализации может стать необходимость укрепления Единого экономического пространства и будущего Евразийского экономического союза. Модернизационный рывок легче осуществлять вместе с нашими партнерами, которых может увлечь грандиозность новых проектов и несомненная выгода от их реализации. Каждая страна получит возможность участвовать в реализации перспективных проектов, таких, например, как возрождение у нас авиационной промышленности, судостроения, сельскохозяйственного машиностроения и др.

Некоторые авторы не разделяют сугубо прагматический подход к евразийской интеграции. Они полагают, что должна быть некая объединяющая идея, каковую они видят в идеологии евразийства, не уточняя, что это такое. На самом же деле страны объединяются в Таможенный союз, ЕЭП и Евразийский экономический союз ведомые простой идеей – невозможностью развиваться в одиночку в условиях глобализации и сопровождающей ее регио-

нализации. С учетом того, что эта группа государств оказалась «зажатой» между Европейским союзом на западе и АСЕАН и АТЭС на востоке, у них остается три возможных варианта: присоединиться к уже существующим интеграционным организациям, сохранить независимый статус или объединиться самим. Вхождение в имеющиеся интеграции нереально из-за значительной территориальной удаленности и неготовности их самих поглотить новые довольно проблемные страны. Самостоятельное развитие также не сулит больших перспектив. Поэтому единственно возможным путем их выживания и дальнейшего развития может быть создание собственного интеграционного союза. Это служит практическим императивом и объединяющей идеей такой интеграции. Отсутствие каких-то иных идеологических побуждений лишь облегчает другим странам возможное вступление в этот союз исключительно по прагматическим соображениям.

Исследование вызовов и рисков глобализации и реальной ситуации, в которой находится Россия, позволяет лучше оценить ее шансы найти наиболее перспективный путь развития в современном сложном и жестком мире.

Литература

1. Амин С. Новая империя? В поисках альтернатив гегемонии глобального капитала // Мир перемен. – М., 2013. – № 4. – С. 8–12.
2. Арриги Дж. Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. – М., 2009. – № 1.
3. Балацкий Е. О возможной смене глобального лидера мировой экономики // Общество и экономика. – М., 2014. – № 1. – С. 13–14.
4. Григорьев Л., Курдин А. Механизмы глобального регулирования: Экономический анализ // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 7. – С. 11–13.
5. Кондратов Д. Глобальные дисбалансы в мировой экономике // Общество и экономика. – М., 2014. – № 1. – С. 36.
6. Либман А., Хейфец Б. Зона свободных инвестиций // Общество и экономика. – М., 2013. – № 10. – С. 61.
7. Мансуров Т.А. Методологические и институциональные основы экономической интеграции стран ЕвразЭС. Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2012. – С. 24–25.
8. Мартынов А. Будущая глобализация мировой экономики // Общество и экономика. – М., 2013. – № 5.
9. Новикова И. Модернизация национальных экономик и кластерно-сетевая регионализация как императивы вхождения в геоэкономику // Мир перемен. – М., 2013. – № 3. – С. 79–80.
10. Экономика для человека – социально ориентированное развитие на основе реального сектора // Мир перемен. – М., 2013. – № 3. – С. 9.
11. Эльянов А. Экономическая дифференциация мира // Общество и экономика. – М., 2013. – № 6. – С. 32.
12. Glattfelder G.B. Ownership Networks and Corporate Control. Mapping Economic Power in a Globalized World. – Zurich, 2010. – P. 258.